Алексей Атеев

РУССКАЯ
МИСТИКА

Девятая жизнь нечисти

ЭКСМО

Алексей Григорьевич Атеев
Мара

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281602
Мара: Эксмо; М.; 1996

Аннотация

«Как только повсеместно официально разрешили богатеть, Валерий Десяткин решил открыть свое дело. Надо заметить, что он уже давно, со времен золотого детства, мечтал о чем-то подобном.»

Алексей Григорьевич Атеев
Мара

«Мара ж., мана, блазнъ, морокъ, морока, наважденіе, обаяніе; греза, мечта; призракъ, привидьніе, обманъ чувствъ и самый призракъ».
(Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владиміра Даля)

«Ведь кузнечик скачет, а куда, не видит».
(«Пред морем житейским»)
Козьма Прутков

Как только повсеместно официально разрешили богатеть, Валерий Десяткин решил открыть свое дело. Надо заметить, что он уже давно, со времен золотого детства, мечтал о чем-то подобном. Сидя на последней парте и перебирая вымененные марки, смышленый малец кумекал: мол, неплохо иметь небольшой филателистический магазинчик или хотя бы киоск. Пацаны бы бойко раскупали всякие там «гвинеи» и «камбоджи», а навар шел бы ему – Валере. Позже мальчик приблизился в думах к книжному магазинчику, торговавшему сочинениями Дюма и Конан Дойла, потом – к мясной лавке, но нравы в ту пору царили иные, советский народ уверенной поступью шагал к коммунизму, и частное предпринимательство ютилось разве что на городской барахолке, именуемой в определенных кругах «тучей».

Несмотря на свои «низменные» задумки, Десяткин сумел более-менее успешно закончить школу, отслужить в армии, а чуть позднее – получить высшее образование. По специальности юноша, как было записано в дипломе, являлся преподавателем черчения и рисования. Но педагогика не манила новоиспеченного учителя. Некоторое время он подвизался на шабашках: оформлял в многочисленных совхозах и колхозах стенды почета, красные уголки и столовые. Накопив деньжат на сельской ниве, Валера забросил халтуру и взялся за относительно скользкий, попахивающий криминалом бизнес, подпадающий под действие статьи 154 УК Российской Федерации. Проще говоря, наш герой стал фарцовщиком.

В те, уже ставшие легендарными, хотя такие недалекие, годы голубые джинсы «Левис» или «Монтана» являлись неотъемлемым атрибутом каждого уважающего себя молодого человека. Юноша, не имевший джинсов или носивший изделие Москвошвеи с Чебурашкой на правой ягодице, становился изгоем. Шансы познакомиться с приличной девушкой для такого, с позволения сказать, индивидуума равнялись нулю. Сколько неведомых миру, но подлинно шекспировских страстей разыгрывалось на почве обладания заветными штанами, сколько молодых людей становилось на путь порока и даже преступления ради коттонового монстра. Не с этой ли, на первый взгляд безобидной, детали западного образа жизни начался «застой» и распад нашей некогда ве-

ликой державы?

Джинсы стоили приблизительно две среднемесячные зарплаты квалифицированного лекальщика. Тех, кто ими торговал, ожидали невиданные барыши. И Валерий Десяткин, быстро смекнув это, составил конкуренцию Текстильшвейобувторгу. Источники поступления голубых штанов на территорию СССР были разными. Однако одним из наиболее простых и доступных являлся путь через польскую границу. Предприимчивые краковские пареньки прибывали в город Львов, нагруженные, словно верблюды, а здесь их уже поджидали отечественные бойцы невидимого фронта. Начиналась бойкая торговля, вернее, «ченч» текстиля на золото.

Простенькое обручальное кольцо обменивалось на великолепную «Монтану», которая в родном городе Десяткина оборачивалась стопроцентной прибылью. Дело пошло. Несколько позже коробейник расширил ассортимент и стал приторговывать предметами дамского туалета, косметикой и, наконец, импортной аудио– и видеоаппаратурой.

В момент наступления светлого будущего, о котором он так долго мечтал, господин Десяткин стал уже вполне оперившейся личностью, имевшей начальный капитал, собственный транспорт и готовой бесстрашно ринуться в пучину капиталистических отношений.

Неожиданно для многих знакомых он занялся торговлей предметами старины.

Город, в котором проживал Валера, а ему в ту пору уже

стукнуло тридцать пять, был одним из тех старинных провинциальных городов России, которые до революции размеренно и уверенно существовали и процветали, не очень-то обращая внимание на обе столицы. Здесь имелось богатое и многочисленное купечество, на котором держался весь край, а также некоторое количество представителей дворянского сословия. Естественно, купцы владели доходными домами, лавками… Имелись и особняки, обставленные хорошей мебелью, с картинами на стенах, с горками и буфетами, набитыми столовым серебром, гарднеровским и кузнецовским фарфором, с мраморными каминами, украшенными севрскими безделушками.

Однако пертурбации двадцатых, да и последующих лет, разметали сокровища. Драгоценная мебель была пущена на растопку, серебро конфисковано, а уникальный фарфор превратился в груду жалких черепков. Время было такое, не до роскошеств… Однако кое-что уцелело. Конечно, пустяки, мелочь. Но и мелочи сегодня стоили баснословных денег. На остатки былой роскоши и сделал ставку господин Десяткин. Он арендовал угол в одном из городских магазинов и начал торговлю всякой ерундой: старинными и современными монетами, медными самоварами, недорогими иконами, дешевой фарфоровой и фаянсовой пластикой и прочей мелочевкой. Одновременно он принимал на комиссию почти все, что приносили многочисленные городские люмпены – спившиеся актеры, зловещего вида старухи, промышлявшие

неизвестно чем, молодые красавицы с алчущими с похмелья глазами.

Случалось, что ему поставляли действительно редкие вещи, например, коронационные рубли, старинные эмали, иконы в серебряных окладах, тарелки из дорогих сервизов. Вот ради этих-то раритетов он и содержал «утиль-контору», как сам называл свое детище.

На раритеты всегда имелись состоятельные покупатели. Сначала он увозил их в Москву – продавал знакомым торговцам, которые, как он знал, в основном переправляли их за кордон, но в последнее время желающие покупать антиквариат объявились и в родном городе. В основном это были те, кого нынче называют «новыми русскими», – разбогатевшие в одночасье господа и дамы, стремившиеся вложить легкие денежки в нечто вечное. Такие очень любили иконы, старую живопись, дорогую мебель и покупали много и охотно, особенно не торгуясь, поскольку у Десяткина имелась прочная репутация человека в высшей степени щепетильного и порядочного.

Все бы хорошо, если бы не конкурент, некто Боря с трудно запоминаемой еврейской фамилией, вроде Кацненленбогенман. Возрастом примерно одних лет с Десяткиным, внешне он представлял совершенную ему противоположность. Десяткин был высок, строен, белокур, носил аккуратные усики и более всего походил на вышедшего в тираж офицера. Боря, напротив, рост имел маленький, волосы темные, а на ли-

це его сияли ласковые карие глаза. Дополняла картину словно приклеенная неопределенная улыбка, печальная и снисходительная одновременно. Боря был тих, не хамоват, но обладал такой железной хваткой, что даже видавший виды Десяткин поражался. У одной старушки, генеральши, остались после покойного мужа многочисленные ордена, в том числе очень редкие. Продать их старушка не желала ни в какую и завещала драгоценные цацки местному краеведческому музею. Валера давал ей приличные деньги, предлагал в обмен импортный телевизор и, наконец, потеряв всякую надежду, отступился.

Боря действовал гораздо хитрее. Время от времени навещая бабку, он заводил с ней разговоры на душеспасительные темы, принес недорогой образок, лампадку, подарил Евангелие… Короче, генеральша неожиданно для себя уверовала. Зачастила в церковь, где на нее, по ее же словам, снизошла благодать… а Боре почти даром достались ордена. Что удивительно, старуха в молодости слыла пламенной комсомолкой, атеисткой до мозга костей. Вот и пойми после этого людей.

Каждая подобная Борина победа вызывала у Десяткина приступ мучительной боли, наподобие зубной. Не столько огорчали материальные убытки, сколько сознание того, что проклятый еврей вновь обошел его. Страдало профессиональное самолюбие. Но и Десяткину случалось опередить конкурента, и тогда он почти бегом поспешал к неприятелю

и, сверкая глазами, рассказывал об очередной удаче, почти физически ощущая, как на душе у Бори скребут кошки.

Кроме них двоих, в городе имелось еще несколько человек, промышлявших антиквариатом, но принимать всерьез их не стоило. Были еще бессребреники – собиратели, желавшие купить на грош пятаков, такие и вовсе вызывали лишь презрение. Как и в каждом серьезном деле, антиквар не может обойтись без помощников. Правда, в оценке вещей они полагались в основном на собственное чутье и почти не прибегали к услугам профессиональных специалистов, чтобы избежать лишней огласки. Однако и у Десяткина, и у Бори имелась целая сеть осведомителей и наводчиков, подсказывающих, где что лежит. Иногда они охотились за конкретной вещью, если на нее имелся заказ. Платили им за услуги немного, иногда просто ограничивались бутылкой, но пользу помощники приносили немалую.

Одним из главных агентов Десяткина был старичок, которого Валера называл Флегонтыч-Ферапонтыч. Когда-то он был учителем истории и в старине кой-чего кумекал, теперь же главной его страстью стал алкоголь, что, впрочем, не мешало старичку сохранить живой, жизнерадостный характер.

В один из летних вечеров, когда Десяткин в одиночестве дремал в своей лавочке, неожиданно заявился Флегонтыч-Ферапонтыч.

– А, старик… – взглянул без особого интереса на него Валера, стряхивая с себя остатки дремы. – С чем пришел?

– Есть дело, – таинственно прошептал Флегонтыч-Ферапонтыч, прикрывая ладонью рот.

– Выкладывай.

– Сначала налей.

– Сначала дело!

Старик засопел, зачем-то глянул по сторонам, потом молча направился к выходу.

– Постой!

– Некогда мне…

– Да постой ты! Иди сюда.

Старик вернулся к прилавку и выжидательно посмотрел на Десяткина.

Валера порылся под прилавком, звякнул стеклом и достал оттуда наполовину наполненный стакан и редиску.

– Пей! – скомандовал он. – И выкладывай.

Старик мигом схватил стакан и, несмотря на сильную дрожь в руках, одним махом опрокинул его. Потом шумно выдохнул и захрустел редиской.

Валера взглянул на него вопросительно.

– Есть одно место, – сообщил старик, – там старинных вещей – во! – Он провел ладонью над головой.

– Что за место?

– Пил я в понедельник с одним хлопцем… Ну, как водится, разговорились… Про древности… – Он посмотрел на стакан, но Валера, казалось, не понял смысла этого взгляда.

– Давай дальше, – потребовал он.

– Парень тот родом из деревни. И вот он рассказывал, что давно, еще как началась революция, местного помещика мужички раскулачили и все добро по хатам растащили. А вещей в усадьбе было – невпроворот. И будто бы до сих пор почти все помещичье барахло в целости.

Валера презрительно усмехнулся.

– Эти сказочки нам известны. Не от тебя первого слышу.

– Парень говорит, – не обращая внимания на реплику Десяткина, продолжал Флегонтыч-Ферапонтыч, – мол, в домах имеются картины, разные вещи и даже кое-какая мебель.

– Не верю. Давным-давно все спалили или пустили коровам на подстилки. Так что уж извини… Не верю!

– Твое дело, – сказал старик. – Пойду к Боре, – заявил он неожиданно.

Услышав имя конкурента, Десяткин моментально вышел из себя.

– Стой! – прошипел он. – Ты мне подлянки строить будешь?..

– Налей, – потребовал Флегонтыч-Ферапонтыч.

– Вот тебе! – Валера вытянул перед собой кукиш.

– Тогда прощевайте.

– Ах, зараза… – Антиквар достал бутылку, плеснул водки в стакан. – Пей, старый… – Он не договорил.

Старик мигом схватил стакан и опрокинул его в свое дымящееся нутро.

– Спасибочки, – ухмыльнулся он.

– Как называется деревня?

– Деревня именуется Чернотал, километров триста к югу. Ты, Валера, не сомневайся. Парень, про которого я рассказываю, не врет. Уж я в людях разбираюсь. Так что садись в свой тарантас и дуй туда. А наваришь, не забудь поделиться. – И Флегонтыч-Ферапонтыч отправился восвояси.

Рассказы о деревнях, где таятся несметные богатства, оставшиеся от прежней жизни, Десяткин слышал не один раз, но зачастую все они являлись мифом. Конечно, попадалась кое-какая мелочевка, чаще всего иконы. Но выручка не оправдывала даже дорожные расходы. Кстати говоря, народ, насмотревшись телевизора, плохо представлял себе, сколько на самом деле стоили иконы. За плохонькую доску заламывали несусветную цену. Правда, дело обычно заканчивалось извечным российским компромиссом – бутылкой водки.

Валера посмотрел по карте. Действительно, до неведомого Чернотала оказалось далековато. Но это-то как раз и внушало надежду. Деревушка лежала вдали от культурных центров, значит, возможно, до сих пор не ограблена. Он вспомнил знакомого краеведа. Позвонить, что ли, ему, разузнать о Чернотале побольше? Нет, не стоит. Не дай Бог, проведает Боря… Или сходить в областную «публичку»? Там наверняка имеются какие-то документы. А впрочем, стоит ли? Больше времени потеряешь. Велики ли расходы на дорогу? Так все равно – две-три иконы окупят бензин. У Валеры имелись две машины: элегантная «девятка», предназначенная для па-

радных выездов, и «жигули» первой модели – «копейка» старенькая, но тем не менее работавшая как часы, отлаженная и проверенная, используемая для подобных поездок, потому как на старую машину меньше обращают внимания. На дорогах нынче неспокойно, но Валера ездил без особых опасений: побитая «копейка» вряд ли вызовет у кого нездоровые чувства. Для денег в машине был устроен тайник – ввек не сыщешь. Оставалось только взять в дорогу еду и питье, оставить в лавке знакомую девчонку – и в путь. Жена Десяткина, которую он называл не иначе как «моя женщина», отправилась вместе с дочерью в Анталию, а на обратном пути собиралась недельку пожить в Москве, так что и здесь ничего его не сдерживало.

Итак, на следующий день он отправился на поиски неведомой деревушки, где якобы таятся несметные сокровища.

Дорога до Чернотала, как оказалось, составляла не триста, а все четыреста километров, и то только по карте. На деле же, как не без оснований предполагал Десяткин, она скорее всего окажется еще длиннее. Но уж коль решил ехать, то «давать взад пятки» не в его правилах. По правде говоря, Валера очень любил странствовать, причем в одиночку. Сидишь за рулем, ничего не беспокоит, в голове роятся всякие приятные думы, и сама жизнь, как дорога, кажется прямой и накатанной… Вот если бы еще без ухабов…

Итак, спозаранку Десяткин отправился в путь.

Поначалу места, по которым он ехал, были хорошо знакомы, но потом шоссе резко свернуло на юг, а через десяток километров неожиданно кончилось и перешло в незаасфальтированный, сильно разбитый тракт. По обеим сторонам дороги тянулись зеленые поля, над которыми чертили небо ястребки и кобчики.

Лето в нынешнем году выдалось необычайно жарким, даже знойным. Стояло начало июля. И пекло было такое, что казалось, наступи сейчас октябрь, все вздохнут с облегчением. В машине были открыты все окна, и потоки горячего воздуха врывались внутрь, словно из жерла огнедышащей печи. Десяткин долго крепился, потом остановил машину, снял брюки, рубашку и, оставшись в один плавках, снова сел за руль. Теперь стало полегче, и он вновь повеселел. Пока под колесами был асфальт, машина бежала с приличной скоростью, но потом Десяткин рассудил, что торопиться особенно некуда, и, сбавив ход, стал глазеть по сторонам. Встречных машин попадалось немного; навстречу, в город, неслись в основном молоковозы. Потом его догнала иномарка и, обогнав, резко рванула вперед. Десяткин равнодушно глянул вслед лихой машине и неспешно продолжал путь.

К середине дня поля кончились, и по обеим сторонам дороги раскинулась первозданная степь. «Почему она до сих пор не распахана? – недоумевал Валера. – А может, распахана, да заброшена и вновь превратилась в то, чем была многие тысячи лет?» Удивляло и то, что почти совсем не встреча-

лись населенные пункты. Это настораживало: туда ли, черт возьми, он едет? И спросить-то не у кого… По краям дороги стояли километражные столбы, и Десяткин отмечал, что проехал уже порядочно… И если заехал вовсе не туда, то день, видимо, потерян. Но вот вдали показались верхушки деревьев, потом крыши, и Валера с облегчением вздохнул: наконец-то появилась возможность узнать, на правильном ли он пути.

Первой навстречу попалась молодка с полными ведрами. Валера улыбнулся – хороший знак – и спросил:

– Как проехать на Чернотал?

Бабенка, стреляя глазами, сообщила, что отродясь о таком не слыхивала.

– А ваша-то как деревня называется?

– Затираевка, – удивилась молодка. – Неужто не знаете?

Далее по широкой улице шествовал гражданин неопределенных лет, на чьем лице читались мучительные раздумья, видимо, о смысле жизни… На вопрос о Чернотале он страдальчески закатил глаза и лишь махнул рукой.

«Однако», – подумал Десяткин.

Наконец он узрел грузовик, в моторе которого ковырялся парень в замасленной ковбойке.

– На Чернотал? – переспросил парень и с интересом глянул на Десяткина. – Второй раз за сегодня дорогу в эту дыру спрашивают…

– А кто еще? – насторожился Валера.

– «Бээмвэшка» в ту сторону час назад пошла.

Валера вспомнил, что обогнала его именно «БМВ».

– Так как туда добраться?

– Выезжай из деревни и по тракту еще километров сто. Потом тракт кончится… Там еще тополя будут… Потом пойдет грунтовка… Там еще километров сорок, и будет этот самый Чернотал. И что вам всем там нужно?..

Но Десяткин не стал рассказывать доброму человеку о причине своего интереса к Чернoталу. Усевшись за руль, он рванул вперед.

Нехорошие мысли смущали Валеру. Неужели проклятый Боря опередил? Флегонтыч-Ферапонтыч вполне мог и ему рассказать о полной сокровищ деревне. Правда, у Бори не было «БМВ», он ездил на «жигулях», но ведь вполне мог нанять кого-нибудь… Или послать одного из своих клевретов. Впрочем, вряд ли. Все серьезные дела Боря обделывал сам. Тогда что же это за иномарка? Просто совпадение? Ладно, как бы там ни было, надо сначала добраться до места, а там видно будет…

Начинало вечереть, но жара не спадала, напротив, стала еще тяжелее, и казалось, машина режет раскаленное фруктовое желе. Густой пряный запах степей усиливал это ощущение. Ездить по ночам Десяткин не любил. К тому же практика показывала: дела нужно делать с утра. Пора останавливаться на ночевку, а завтра – снова в путь.

Неожиданно он увидел вдали кучу деревьев, растущих

посреди степи. «Видать, те самые тополя, – рассудил Валера. – Отличное место для привала». Пять громадных деревьев росло чуть поодаль от тракта. Десяткин осторожно съехал с крутой насыпи и загнал своего «жигуленка» в скудную тень.

Он выбрался из машины, размялся, поозирался по сторонам. Откуда взялись эти деревья? Посадил ли их какой-нибудь энтузиаст-озеленитель или выросли сами из занесенных неведомо откуда семян? Возле тополей валялись останки допотопной сельскохозяйственной техники. Железки, видно, пролежали здесь не один десяток лет, поскольку были сильно изъедены ржавчиной. Тут же, рядом, имелось давнее кострище, возле которого валялось несколько ржавых консервных банок.

Десяткин неспешно достал свою провизию, затеплил мини-примус, вскипятил чай, отыскал фляжку с коньяком и смачно, со вкусом, поужинал. Он всегда кушал обстоятельно и неторопливо. Основательно, одним словом.

Потом разложил сиденье, постелил себе постель и взглянул на небо. Уже начинало смеркаться. Над головой бушевал закат, и небывалое чувство охватило антиквара. Ему почему-то стало грустно, и защемило в груди – то ли от выпитого коньяка, то ли от грандиозного зрелища закатного горизонта. Десяткин достал из пачки «мальборину» и, пригорюнившись, взирал на буйство небесных красок. Вдоволь насмотревшись, Валера отбросил в сторону окурок и отправился

спать.

Лежа на своем жестком ложе, он непрерывно ворочался, стараясь устроиться поудобнее. В машине стояла нестерпимая духота, к тому же мешал рычаг скоростей, словно нарочно старавшийся попасть в самое уязвимое место… Когда удалось принять более-менее приемлемое положение, под ухом назойливо запищал комар. Откуда, спрашивается, взяться комару посреди раскаленной степи? Но ведь нашелся, мерзавец! Десяткин пытался изловить кровопивца, но безрезультатно. Чертыхаясь, вылез из машины. Было уже совсем темно. Тогда Валера решил развести костер. Светя себе фонариком, набрал щепок, запалил дровишки и улегся на войлочную кошму, рассеянно глядя на огонь. Потом поднялся, отыскал фляжку и глотнул из нее обжигающей ароматной жидкости.

Не хватит слов, чтобы передать великолепие степной ночи. Ее нужно ощутить, прикоснуться к ней губами, как к груди любимой женщины.

Где-то рядом посвистывали перепела, нежно и печально выводя одну и ту же заунывную строфу. Непрерывно стрекотали кузнечики, словно их час только что наступил. Прохладный ветерок касался разгоряченного за день лица, и его прикосновение навевало мысль о сладких женских ласках. Костерок почти потух, но время от времени легкий порыв ветра раздувал угли, и они светились глубоким малиновым светом, а через минуту вновь подергивались серой пенкой

золы.

Пахло травами и дождем. Вдалеке изредка вспыхивали зарницы, освещая кусочки неба причудливым мерцающим светом. Десяткин лежал на кошме и смотрел на догоравший костер. Вставать сначала не хотелось, а потом на него навалилось какое-то странное оцепенение, похожее на сон, но с тем различием, что он прекрасно видел все вокруг. То ли от выпитого коньяка, то ли от окружающего его великого покоя, пришли мысли о смерти. Они сонно шевелились в черепной коробке, не вызывая ни грусти, ни страха, а лишь тупое удивление: как же так, все это великолепие – благоухающая степь, усыпанное звездами небо, тлеющий костерок – будет всегда, а его, Десяткина, не станет? Тогда для чего вся суета, для чего бессмысленное метание в поисках даже не куска хлеба насущного, – а так, некое подобие спорта, увлекательное, но бессмысленное занятие?

Взгляд путника наконец-то оторвался от костра и переместился в черную бесконечность степи, и ему показалось, что неподалеку кто-то стоит и смотрит на него. Он пригляделся: так и есть – чуть белеющая неясная фигура виднелась возле дорожной насыпи. «Кто бы это мог быть?» – меланхолично подумал Десяткин. Фигура стояла совсем неподвижно, и не определить, мужчина перед ним или женщина. Страха он не чувствовал, но и любопытства тоже не было. Стоит? Ну и пусть себе стоит. Он снова уставился на рдеющие угли, а когда поднял глаза, то обнаружил, что фигура чуть приблизи-

лась. Теперь Десяткину показалось, что перед ним женщина. Так это или не так, он не успел разобрать, потому что костер вдруг ярко вспыхнул, на миг ослепив его, а когда он снова стал видеть нормально, никакой женщины рядом не наблюдалось.

«Показалось…» – подумал он и снова взглянул на то место, где впервые увидел белеющий силуэт. Фигура опять стояла на прежнем месте, а затем начала медленно приближаться… Вот уже можно различить черты лица… Костер опять полыхнул – и все исчезло. Сколько раз так повторилось, Десяткин не мог точно сказать, но не один раз и не два… При этом он все отчетливее и яснее видел лицо, молодое, но странно неподвижное и холодное. Женщина смотрела не на Десяткина, а как бы сквозь него, словно не замечая вовсе. Примечательные вещи происходили и с сознанием нашего героя: он никак не мог понять, спит он или бодрствует. Казалось, все происходит наяву – но почему же природа словно застыла?.. Не слышно стало стрекота кузнечиков, даже воздух словно замер. И ни малейшее дуновение ветерка не касалось лица. Лишь над головой неестественно ярко сверкал ковш Большой Медведицы. И в то же время ему представлялось, что он вовсе не спит, так отчетливо были видны отдельные черты лица и детали одежды ночной гостьи. А может, все-таки сон? Он попытался встряхнуть головой, но ничего не получилось. Значит, спит… Видение неожиданно исчезло, и вновь он ощутил, как время сдвинулось с мертвой

точки. А потом и природа пришла в движение…

Валера откинулся на кошму и уставился в небо. Звезд-то сколько! Давно он не вглядывался в беспредельные глубины ночного небосвода. Звезды увеличивались, разгорались все ярче – и вдруг закружились, словно увлеченные каким-то могучим потоком.

Проснулся Десяткин от ощущения холода. Он открыл глаза. Понемногу начинало светать. Костерок совсем потух. Серый сумрак постепенно рассеивался, наступал день. Десяткин поднялся, почесал затекшую спину и побрел в машину досыпать.

Вторично он открыл глаза, когда июльское утро было в самом разгаре. Ярко светило солнце. Еще чувствовалась утренняя свежесть, но жара приходила быстро и неотвратимо. Он взглянул на часы: около девяти. Ничего себе! Вот это продрых! Десяткин отворил дверцу и вылез наружу. Вокруг по-прежнему было пустынно, лишь поодаль, по желтой высохшей траве, важно прохаживался чибис. Десяткин недовольно посмотрел в сторону глупой птицы. Своим присутствием чибис нарушил привычный порядок вещей. Ведь его место на болоте, а отнюдь не посреди жаркой степи. Однако чибис, видимо, не знал, где ему полагалось находиться, потому что, не обращая внимания на недовольные взгляды человека, продолжал свои прогулки, время от времени тюкая клювом сухую землю.

Наскоро умывшись водой из канистры, Десяткин попры-

гал на месте, разминая члены, потом решил пробежаться. Тут надо сказать, что подобные пробежки он совершал почти каждый день, разумно полагая, что они полезны для здоровья. Он вообще был человеком весьма «правильным», даже педантичным. Побегав вокруг машины, Десяткин поднялся затем на дорожную насыпь и трусцой побежал вперед. Внезапно он заметил по другую сторону насыпи, прямо напротив тополей, некий странный предмет, который напоминал высунувшийся из земли огромный палец, направленный в небо. Несколько удивленный, он приблизился к непонятному предмету, оказавшемуся могилой. Памятник, металлическая пирамидка, некогда выкрашенная голубой краской, давным-давно облезшей, был весь покрыт лишаями ржавчины. Венчала обелиск традиционная пятиконечная звезда, однако имелась тут некая странность. Десяткин присмотрелся и понял, в чем она заключалась. Звезда оказалась перевернутой, и ее центральный луч был направлен в землю, а вверх, словно маленькие рожки, торчали два нижних луча. Покачав головой, как бы осуждая небрежность неведомых изготовителей памятника, Десяткин попытался прочесть полустертую надпись. Однако это ему не удалось. Более-менее отчетливо проступали только три последние буквы фамилии: не то «ова», не то «ева», а может, и вовсе «ина». «Неужели, женщина?» – удивился Десяткин. В своих многочисленных поездках он встречал подобные обелиски постоянно. Но обычно под ними покоились, если, конечно, памятник просто не

обозначал место катастрофы, лихие шоферы, весельчаки и бабники, прикемарившие за баранкой и слетевшие в кювет, или же хмельные молодцы-мотоциклисты, не совладавшие со своими «конями». Да мало ли кто погибает на дорогах?.. Однако памятники женщинам встречались крайне редко.

Помозговав еще минутку-другую о печальной участи незнакомки, нашедшей здесь свое успокоение, Десяткин побежал назад к машине, сразу же забыв о могиле, да и вскоре отправился в путь.

Ровная, как стол, степь сменилась невысокими пологими холмами. Взлетев на вершину одного из них, Десяткин увидел впереди, в низинке, селение. Видимо, это и был загадочный Чернотал. Деревушка стояла в излучине небольшой речонки, почти обмелевшей.

Машина въехала на единственную улицу и остановилась. Десяткин вылез, огляделся. Было очень жарко и совершенно пустынно. Налетавший время от времени горячий ветер закручивал маленькие пыльные вихри. Казалось, все вокруг вымерло.

Валера с минуту постоял возле машины, пнул несколько раз ногой по колесам, потом неторопливо направился к невысокому колодцу, прикрытому покосившимся навесом. Он столкнул в сумрачную глубину деревянное замшелое ведро, охваченное металлическими обручами. Звякнула цепь раскручиваемого барабана, в глубине колодца послышался всплеск. Минуту спустя наполненное плещущейся че-

рез край водой ведро стояло на краю колодца. Десяткин напился, отметив про себя, что вода очень холодная и вкусная, вытер губы ладонью и осмотрелся. Пора приниматься за дело.

Когда-то давно, еще до всяких «перестроек», для того чтобы «обшманать» деревеньку, требовалось всего лишь показать в сельсовете фальшивое удостоверение сотрудника областного краеведческого музея. Этого было вполне достаточно: провожатый проводит тебя по избам и настойчиво рекомендует «проявить понятие и оказать содействие товарищу ученому». Дальше зависело от удачи. Народ верил всему. Покажи, к примеру, бумагу, удостоверяющую, что ты – директор Эрмитажа, и это бы сошло. Нынче не то. Люди, напуганные телевизионными страстями, стали недоверчивы и осторожны. Иной раз встречали чуть ли не с ружьем в руках. Но Валера имел располагающую внешность, широкую, до ушей, улыбку и очень быстро входил в доверие. Вот и теперь он прежде всего рассчитывал на собственное обаяние.

Дверь первого дома, куда он постучался, отворила немолодая баба, облаченная в нечто отдаленно напоминающее халат.

– Чего надо? – спросила она, не отвечая на приветствие.

– Нет ли у вас в хозяйстве старых вещей? – осторожно спросил Десяткин.

– Каких еще вещей?!

– Ненужных…

– Тряпья?

– Нет, не тряпья, а старинных предметов.

– Вася! Иди сюда! – закричала женщина куда-то в глубь дома.

На зов явился заспанный мужик в сатиновых трусах и линялой сиреневой майке.

Он недоуменно воззрился на хозяйку, совсем не замечая Десяткина.

– Вот, какой-то… – она кивнула на гостя, – старыми вещами интересуется.

Мужик оглядел Десяткина с ног до головы с таким видом, словно увидел перед собой неведомое насекомое.

– Старинными вещами? – переспросил он. – Какими, например?

– Видите ли, – начал Валера, улыбаясь лучшей из своих улыбок, – я покупаю предметы старины…

Слово «покупаю», видимо, понравилось мужику. Он ощерил гнилые зубы и более дружелюбно взглянул на Валеру.

– А водки у тебя не найдется? – спросил он неожиданно.

– Есть, – Десяткин снова улыбнулся.

– Так неси. – И, не обращая внимания на недовольные взгляды хозяйки, он направился в дом.

Через несколько минут мужчины сидели на открытой веранде за столом, уставленным тарелками и мисками с деревенскими яствами – крупно нарезанным розовым салом, солеными огурцами и помидорами, холодной вареной картош-

кой.

– Ты, значит, древностью интересуешься? – спросил Вася, когда выпили по первой. – Есть у меня древность. Пимокатный станок. Дедуня мой, царствие ему небесное, валенки катал. Ценная вещь. Музейная!..

– Пимокатный станок мне не нужен, – отнекивался Валера.

– Нет! Пойдем посмотрим!

Десяткин нехотя поднялся и отправился смотреть.

Станок действительно оказался очень старым и напоминал окаменевшего детеныша динозавра. Валера в тон хозяину уважительно повздыхал: «Да, вещь!», но приобрести отказался, ссылаясь на то, что в данный момент увезти станок будет не под силу. Потом выпили еще по одной. Опытный Десяткин наливал себе поменьше, а хозяину побольше. После каждой рюмки обнаруживался новый раритет. Десяткину были продемонстрированы: примус, пара вальков для отбивания белья, разломанная прялка. И вдруг на свет появилась действительно интересная вещица: старинная кофейная мельница.

«Это, – подумал Десяткин, разглядывая причудливый узор на позеленелом медном боку, – уже кое-что, не обманул Флегонтыч-Ферапонтыч…»

– Эту штуку я, пожалуй, куплю, – сообщил он Васе.

– А сколько дашь? – тут же заинтересовался мужик.

Десяткин пожал плечами:

– Твоя цена.

– Бери так, – неожиданно заявил Вася. – Ты мне, брат, понравился. Сразу видно русского человека… Бери! Все равно эта дрянь ни на что не годится. С детства ее помню, без толку валяется… Забирай.

– А как она к вам попала?

– Да кто ж ее знает. Валяется и валяется. А что вообще это такое?

– Кофейная мельница. Кофе молоть.

– Ничего себе! У нас кофе отродясь не водилось. Чай все больше пьем… или водочку. – Он кивнул на бутылку.

Десяткин понял намек и охотно налил еще.

– Знаешь что, – встрепенулся хозяин, закусив ломтем сала, – пошли к Петру, у него тоже имеются кое-какие древности. У тебя еще бутылка есть?

Десяткин кивнул, прикидывая в уме, что мельница, если ее привести в порядок и начистить, стоит никак не менее, чем полсотни поллитровок.

Петра дома не оказалось. Отправились к какому-то Витьку. Витек, молодой круглолицый губастый парень, встретил незваных гостей без особого восторга, но, увидев бутылку, оживился. Через час Десяткин стал обладателем двух почерневших серебряных ложек, разрозненных шахматных фигурок, видимо, из слоновой кости, и старинного медного собачьего ошейника.

– Клондайк, – произнес Валера, когда они направлялись

к следующему дому.

– Чего? – переспросил Вася.

– Места, говорю, у вас красивые.

– Да чего тут красивого? – презрительно умехнулся Вася. – Одно слово, деревня!

Скоро водка, привезенная Десяткиным, кончилась, но в местном магазинчике этот товар имелся в достатке. Туда были отряжены два юнца, и экспедиция продолжилась. Очень скоро Валера перезнакомился почти со всеми обитателями Чернотала, и, хотя старался не пить, в голове у него уже изрядно шумело. Вместе с тем прибавлялось и количество древностей, и, хотя многие раритеты находились в плачевном состоянии, душа Десяткина ликовала. Особенно порадовали обнаруженные в одном из домов два старинных полотна. Картины почернели от времени и грязи, но опытный глаз разобрал, что перед ним нечто действительно ценное. «Похоже, восемнадцатый век, – пьяно кумекал Валера. – А если так…» Чтобы не сглазить, он даже старался не думать о вырисовывавшихся перспективах, если картины действительно окажутся чем-то стоящим.

– Откуда это все? – не раз и не два задавал он вопрос обитателям Чернотала, но почти все они пожимали плечами. Кое-какой свет пролил лишь старик, владелец полотен.

– Тут до революции, – без особой охоты разъяснил он, – было имение… Помещик, значит, проживал… Фамилию забыл… Усадьба стояла над деревней, на крутояре. При ней

сад имелся… или парк. Пруды были… Словом, богатая вотчина. Ну вот. Как семнадцатый год наступил, мужички имение оприходовали. Разорили то есть… Все, что в нем содержалось, растащили по домам. А это барахло с тех пор и валяется. Сейчас, конечно, ничего ценного, считай, не осталось. А раньше и мебель в избах барская стояла, даже рояль имелась… Ее потом в клуб перетащили, а клуб возьми да сгори. Словом, лишь хлам уцелел копеечный.

Но Десяткин думал иначе, хотя соображений своих вслух не высказывал.

Заснул он в доме Васи, своего первого знакомца, и, проснувшись среди ночи, долго не мог понять, где находится.

Поздним утром следующего дня он, наконец, распрощался с гостеприимными поселянами, пообещав вскоре снова приехать.

Было часов десять утра, когда Валера вырулил за пределы Чернотала. Ему очень хотелось остановиться где-нибудь у обочины дороги и обозреть как следует свои приобретения, но многолетний опыт подсказывал, что лучше это сделать дома, только там можно уверенно разделить добычу на ценные вещи и хлам, а пока что нечего забивать голову лишними сомнениями. Он лишь несколько раз обернулся – взглянуть на заднее сиденье, заваленное добычей: даже не верилось, что это – не сон, что ему действительно выпала такая невиданная удача. И может быть, поэтому он и не заметил, в какой имен-

но момент перед машиной появилась женская фигура с поднятой вверх рукой. Десяткин не любил попутчиков и редко подсаживал их, но сейчас, неизвестно почему, притормозил и распахнул дверцу.

Женщина молча села рядом.

– Вам куда? – спросил Десяткин.

– Я скажу, где меня высадить, – уклончиво ответила женщина и уставилась на дорогу.

«Хмурая какая», – удивился Валера, трогая машину. Он покосился на незнакомку. Довольно молодая и вроде бы красивая: правильные черты лица, прямой, классической формы нос… Глядя на нее в профиль, он не мог разглядеть цвет глаз, но отметил длинные ресницы. Кто она такая? Одежда вроде городская… Впрочем, сейчас все одеваются одинаково.

– Так где же вас высадить? – снова поинтересовался Валера.

Она криво усмехнулась:

– Уже жалеете, что посадили?

– Да нет… – Он слегка смутился. – Просто любопытно, куда направляется такая интересная дама. Вы не в Чернотале живете?

Она повернула к нему лицо, и Валере показалось, что они уже где-то встречались.

– Где я живу?

– Ну да.

– Недалеко отсюда. – Она снова уставилась на дорогу.

«Ну и черт с тобой, – подумал Десяткин. – Не желаешь говорить, и не надо».

– А вы, Валерий Павлович, – неожиданно нарушила молчание попутчица, – не боитесь путешествовать в одиночестве?

– Мы разве знакомы? – изумился Десяткин.

– Удивлены, что я знаю ваше имя? Так вы же вчера почти каждому в деревне представлялись. Правда, вы были несколько… – она замялась, – «подшофе».

– Действительно, – промямлил Валера, – перебрал малость, издержки, так сказать, профессии… А что касается поездок моих, то чего ж бояться? Ценностей особых при мне нет, машина – так себе, проще говоря – дрянь.

– На дороге может всякое случиться.

– Вполне возможно, но только не со мной.

– Не зарекайтесь.

– Вот вы знаете, как меня звать, – решил переменить скользкую тему Десяткин, – так скажите мне, как вас величают?

– Мара.

Он скосил глаза на попутчицу. По ее лицу блуждала странная улыбка.

– Мара – это сокращенно? – продолжил он расспросы. – А как полное ваше имя? Тамара? Марина?..

– Вот я и приехала, – вместо ответа сказала женщина. –

Остановите.

Десяткин резко нажал на педаль тормоза, отчего больно ударился грудью о руль, и с удивлением осмотрелся. Они остановились как раз возле давешних тополей, где он ночевал. Странно… Что она будет здесь делать? Ведь кругом голая степь. Может, поблизости есть какой-нибудь поселок? Впрочем, какое ему дело?

Мара вылезла из машины. Глянув через плечо, бросила:

– До встречи.

– Счастливо оставаться, – проворчал Десяткин и надавил на газ.

Он глянул в зеркальце заднего вида и обнаружил, что попутчица стоит на дороге и смотрит ему вслед. Она оставалась в той же позе, пока совсем не скрылась из вида.

«Кто такая эта Мара? – размышлял Десяткин. – На колхозницу не похожа, знает мое имя… И как понимать ее последние слова – „до встречи“? Может, тут замешан Боря? Очень может быть. Выследили… Ведь обогнавшая его „бэ-эмвэшка“ куда-то ехала. Скорее всего, они и не знали, куда он направляется, поэтому, чтобы не тащиться сзади и не мозолить глаза, поступили проще – ушли вперед, а выследив, подослали своего человека: мол, глянь, что у него и как…

Впрочем, это лишь домысел. Скорее всего, она обычная селянка. Однако как тогда понять ее многозначительные намеки, – мол, не боится ли он путешествовать в одиночку. Но зачем тогда раньше времени себя выдавать, называть по

имени-отчеству?»

Стараясь отвлечься от беспокоивших его мыслей, Десяткин включил приемник.

Он приехал домой, когда уже начало смеркаться. Быстренько перенес из машины свою добычу, свалив все прямо у порога, и, даже не перекусив, забрался в ванну.

Смыв с себя дорожную пыль, поужинав и хлебнув из заветной фляжки, Десяткин приступил к разбору и систематизации добытых им предметов старины. Для понимающего человека нет приятнее занятия: разглядываешь вещицы со всех сторон, выискиваешь стертые временем клейма мастеров, всматриваешься в старинную вещь, пытаясь определить ее подлинную ценность. Но особое удовольствие – составление списка добытого. Эта процедура, по мнению Валеры, напоминала смакование изысканного деликатеса. Под первым номером в нынешнем списке значилась кофейная мельница. Вовсе не потому, что она являлась особо ценным приобретением, – просто Десяткин хорошо запомнил: именно с нее все началось. Некоторое время он разглядывал причудливые арабески на боках мельницы, прикидывая, как она будет выглядеть, если ее начистить и придать ей товарный вид.

Далее из кучи был извлечен почти целый бронзовый подсвечник, потом настала очередь замысловатых шпор, за ними последовала статуэтка Наполеона с битым носом… Но все это, конечно, – мелочи. Самое ценное, как истинный гур-

ман, Валера приберегал напоследок. А самым ценным, конечно же, являлись картины. Он даже старался не глядеть в их сторону, предвкушая встречу с ними, как предвкушают первое свидание… Наконец дошла очередь и до картин. Десяткин взял в руки рамку и попытался рассмотреть, что же изображено на полотне. Оно было обрамлено жалкими остатками некогда роскошной золоченой рамы. Видимо, раму не раз и не два испытывали на прочность, а может, искали внутри ее ценности, поскольку создавалось впечатление, что ее грызли зубами. Но на раму Валере было наплевать. В конце концов, рам на свете достаточно. А вот само полотно… На картине был изображен какой-то пейзаж. Валера решил смочить губку водой и самостоятельно смыть грязь, но потом передумал, опасаясь еще больше испортить полотно. Нет, здесь нужен специалист. Проще уплатить деньги за реставрацию, пусть немалые, но овчинка стоила выделки. Он еще раз присмотрелся: идиллический пейзаж в стиле Лоррена, несомненно, восемнадцатый век, если, конечно, не поздняя копия. Что ж, можно и ошибиться, в его деле всякое случается… Но если не «фальшак», то он, Десяткин, явно не прогадал, съездив в этот Чернотал. А вторая картина? Он взглянул и на нее. Овальный женский портрет, без рамы, не такой замызганный, как первое полотно, но, похоже, написанный значительно позже. Молодая дама на фоне растворенного окна… Вдали – холмистый ландшафт. По-видимому, художник пытался подражать старым мастерам. Пейзаж

за окном – яркий, сверкающий, а сама дама словно находится в тени, такой густой, что даже неразличимы некоторые черты лица. А может, это просто наслоения грязи?

И тут в дверь позвонили.

– Кого там принесло? – проворчал Десяткин и направился к двери. Но тотчас же остановился, неожиданно вспомнив обо всех странностях сегодняшнего дня.

Звонок повторился.

– Нет дома меня! Нету, и все тут! – Десяткина разбирала злость. Может быть, конкурент пронюхал?.. Или кого подослал?

Незваный гость никак не хотел уходить.

Десяткин на цыпочках подкрался к двери и глянул в глазок.

У двери стояла женщина и смотрела прямо на него.

Сначала Десяткин не понял, кто перед ним. Потом до него дошло. «Попутчица!» Он похолодел. «Что же делать?» Валера не сомневался, что там, в глубине подъезда, скрывается пара-тройка здоровенных «быков». Стоит ему отворить, они ворвутся в квартиру, и тогда…

Что произошло бы дальше, он прекрасно представлял.

«Не открою!» Он замер, отпрянув от двери. «Ведь как знал, как знал… Точно, девка подослана… Эх, Боря, сука… Но что же делать?»

Звонок звякнул коротко и зло.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Десяткин щелк-

нул запором.

– Привет, – сказала женщина. – Ну вот мы снова увиделись, я же тебе говорила… – Она легонько отодвинула плечом хозяина и прошла в квартиру.

Валера выглянул за дверь. Там никого не было.

– Вы… вас… Я не понимаю… – пробормотал он.

– Я у тебя переночую, – заявила женщина. – А, Валерий Петрович?

Десяткин не знал, как себя вести. С одной стороны, чуял несомненную опасность, с другой… А почему бы, собственно, и нет? Она молода, привлекательна, Татьяна (это жена) в отъезде… Но как она узнала его адрес? Нет, явная подставка. Может, не стоит связываться? А если все-таки?.. Он посмотрел на гостью. Похоже, сейчас она одета не так, как утром. Вроде по-другому. Хотя ее тогдашний наряд он совершенно не мог вспомнить. А сейчас на ней легкое, открытое платье, подчеркивающее изящную фигуру, стройные ноги… Длинные волосы, концы которых завиты; губы улыбаются… Вот только глаза… Непонятно, смотрят ли они на тебя или в сторону. Какой-то неуловимый взгляд, никак его не поймаешь.

– Ты откуда узнала мой адрес? – спросил Десяткин.

– А разве это тайна? – На лице ее появилась насмешливая улыбка.

– Вроде я тебе его не сообщал…

– Мне – нет, а в деревне многих в гости приглашал, или не помнишь?

– Ах, в деревне… Так ты, значит, в Чернотале обитаешь. Тамошняя жительница…

Она усмехнулась.

– Считай, что там обитаю, не все ли равно. Переночевать мне негде, вот и решила к тебе завернуть. А ты вроде недоволен? Не бойся, надолго не задержусь.

– Нет, отчего же… Я, конечно… Но как ты в город попала?

– А где твоя жена? – поинтересовалась гостья.

– Жена? Ах, да… Они с дочерью отправились отдыхать. На юга, то есть.

– Вот и хорошо. Значит, никто нам не помешает. Я, с твоего позволения, немного ополоснусь. – И она направилась в ванную.

Несколько обескураженный такой бесцеремонностью, Десяткин стоял посреди комнаты, не зная, что предпринять дальше. Решив не обращать внимания на деревенские манеры гостьи, он отправился готовить ужин.

Из ванной доносился плеск воды, Валера же тем временем достал из холодильника какие-то консервы, маринованные огурцы, прочую нехитрую закуску и приготовился потчевать гостью.

О том, что последует потом, он старался не думать. Девица, конечно, симпатичная, однако стоит ли связываться? Ведь он ее совершенно не знает. А вдруг она того?.. Еще подцепишь какую-нибудь заразу… Уж больно ведет себя развяз-

но.

В общем, Валера рассудил, что лучше ограничиться легким ужином, а затем отправить гостью «бай-бай». А завтра пусть уматывает на все четыре стороны.

Плеск воды в ванной внезапно прекратился, и Десяткин замер; сердце без всякой причины остановилось, замерло на мгновенье, а потом забухало в груди. Десяткин судорожно сглотнул: непонятное волнение мгновенно высушило гортань.

И тут в комнату впорхнула гостья. «Она вошла голой», – внезапно вспомнилось Валере название недавно читанной переводной книги. Именно такой и предстала перед ним Мара.

Десяткин присмотрелся к ней… При свете тускловатой лампочки казалось, что гостья распространяет какое-то едва заметное сияние. Как это ни банально звучит, она прекрасна. Все, с кем до сих пор приходилось общаться антиквару, и в подметки ей не годились.

Мара приблизилась к оцепеневшему Валере и легонько провела своими прохладными пальчиками по его щеке. Голова нашего героя пошла кругом.

То, что происходило дальше, было похоже на цепь ослепительных вспышек, чередовавшихся с провалами в черные глубины. Ничего подобного он до сих пор не испытывал. Сознание «выключилось», вместо него образовалось что-то нереальное, переполненное мраком и острейшим наслажде-

нием. Порой Десяткин испытывал приступы удушья, словно очутился в безвоздушном пространстве. Он пытался вздохнуть полной грудью, но вместо воздуха ощущал лишь обжигающую пыль на губах. Ему вдруг почудилось, будто он попал в центр раскаленного смерча, бушующего посреди безводной степи. Вихрь подхватывал его, куда-то уносил, поднимая ввысь, а потом снова опускал на землю.

Сколько все это продолжалось, Валера не знал, может, час, может, год. И вдруг все кончилось… Восторг, боль, наслаждение – все исчезло. Остался лишь мрак, и он сам, без сил лежащий в этом липком мраке. Он чувствовал, что рядом кто-то есть. Кто-то холодный и еще более темный, чем окружающая его мгла. И этот ледяной некто поглощал жар его тела, однако облегчения не наступало, напротив, вместе с прохладой приходило странное беспокойство, переходившее в отчаяние…

Проснулся Десяткин поздним утром. И, тотчас же вспомнив о своей гостье, повернул голову. Рядом никого не было. Валера вскочил. Первое, что пришло в голову, – его сокровища похищены. Он метнулся в соседнюю комнату и убедился, что все вещи, привезенные из экспедиции, находились на своих местах. И квартира была в целости и сохранности. Куда же эта девка подевалась? Может, в ванной или на кухне? Но и там ее не оказалось. Странно…

Он в задумчивости уставился на кухонный стол. Содержи-

мое консервной банки побурело, зеленый лук увял, кружочки вареной колбасы свернулись в трубочку, словно обмороженные уши. Все было нетронуто. Таинственная Мара исчезла, даже не подкрепившись. Но почему? Он попытался восстановить последовательность вчерашних событий. Она вышла из ванной в чем мать родила. А потом… Он усмехнулся. Потом они… занимались любовью, проще говоря, трахались. И помнится, отменный был трах. Только как-то уж очень необычно все происходило. Впрочем, подробности почему-то не запомнились, а ведь он не пил… Непонятно…

Валера приблизился к своему ложу и стал внимательно его разглядывать. Удивляло полное отсутствие следов ночных развлечений. Постель была в относительном порядке, да и подушка на ней имелась только одна. Значит, дама не ночевала? Когда же ушла?..

Он снова принялся обследовать квартиру. Нет, ничего не похищено. Все на своих местах. Ну хоть волосок должен же остаться на подушке? Но и тут его ждало разочарование – ни малейших материальных признаков недавней гостьи. Может, ее вовсе и не было? Но как же так? Он был совершенно трезв, правда, очень устал после поездки. Но ведь от усталости не случаются галлюцинации. Женщина точно приходила, именно та, которую он подвозил, возвращаясь из Чернотала. Как же она выглядела? Молодая, красивая… Это он хорошо запомнил. А лицо? Как он ни напрягал память, вспомнить его черты не мог. Вроде светловолосая… А тело? Бедра, но-

ги? Нет, ничего. Даже не помнит, большая у нее грудь или маленькая. Валера почесал в затылке и вновь принялся за исследования своих приобретений.

Комната была залита ярким солнечным светом, и Десяткину вдруг показалось, что его «сокровища» – просто куча старого хлама. Напрасно он успокаивал себя, прикидывая стоимость той или иной вещи. Даже сумма предполагаемого навара не поднимала настроения.

– Помойка! – произнес он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.